

Ошорова Светлана Алексеевна

ИНОСКАЗАТЕЛЬНОСТЬ - СВОЕОБРАЗИЕ БУРЯТСКИХ УЛИГЕРОВ

В статье рассматривается вопрос об иносказательной природе эпоса "Гэсэр". Автор приводит своих читателей к основному выводу: художественная, поэтическая природа бурятского эпоса "Гэсэр" заключается в борьбе улигершинов против насилия и войн, за сосуществование разных взглядов на жизнь, терпеливое отношение людей друг к другу, плюрализм мнений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. С. 22-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398(=512.31)

В статье рассматривается вопрос об иносказательной природе эпоса «Гэсэр». Автор приводит своих читателей к основному выводу: художественная, поэтическая природа бурятского эпоса «Гэсэр» заключается в борьбе улигершинов против насилия и войн, за сосуществование разных взглядов на жизнь, терпеливое отношение людей друг к другу, плюрализм мнений.

Ключевые слова и фразы: иносказательная природа; улигер; образность; крылатые выражения; художественный образ; магическое свойство скрытого содержания метких крылатых выражений; слово, сказанное героем улигера.

Ошорова Светлана Алексеевна, к. филол. н., доцент
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
oshorsvet@mail.ru

ИНОСКАЗАТЕЛЬНОСТЬ – СВОЕОБРАЗИЕ БУРЯТСКИХ УЛИГЕРОВ

Положение об иносказательности как специфической черте образного мышления одним из первых высказал профессор А. А. Потебня. Он писал: «Поэзия есть преобразование мысли посредством конкретного образа, выраженного в слове... Поэтический образ каждый раз, когда воспринимается и оживляется понимающим, говорит ему нечто иное и большее, чем то, что в нем непосредственно заключено. Таким образом, поэзия всегда есть иносказание» [3, с. 59-68]. Можно согласиться с суждением учёного, потому что образ обладает такой особенностью, которую в ряде случаев лучше всего назвать иносказанием. Но, слепо следуя ему, можно договориться до абсурда, как это сделал последователь А. А. Потебни А. Г. Горнфельд, который писал, что «...значение всякого слова есть значение переносное, всякое слово есть троп» [2, с. 60]. По мнению С. Ш. Чагдурова, автора книги «О выразительности слова в художественной прозе», есть две причины не согласиться с теорией иносказательности А. А. Потебни. Во-первых, она слишком прямолинейна. Нельзя в образных выражениях видеть лишь изменение, «преобразование мыслей», в них содержащихся. Ведь художественно воплощенное содержание остается в образе самим собой, оно только подается в более живом, «онаглаголенном» виде. Во-вторых, «художественное произведение не может состоять из одних лишь иносказаний» [5, с. 28-29].

Образность сама по себе, конечно, важна: она позволяет видеть живую картину, изображаемую автором слова, в том числе и улигершином. Но еще более важно то, что смысловая природа меткого крылатого выражения или образа-штампа (постоянного эпитета), называемого в улигерах *хэб*, часто включает в себя дополнительные глубинные смыслы, «магию» скрытого содержания.

Эта «магия», как нам кажется, основана на элементах тонкого мира двуединого пространства и времени, незримо присутствующих в мозгу у улигершинов. Ведь доказано, что эти элементы берут свое начало в импульсах «слабых» экологических связей, в «тонких» взаимодействиях излучений, идущих из живого и костного мира, в том числе и из космоса. Это важнейшая особенность любого меткого слова или крылатого выражения.

Чтобы подтвердить взгляды С. Ш. Чагдурова, основанные на русскоязычном материале, обратимся к новым фактам, обнаруженным нами в оригинальных текстах двух ведущих («пеших» и «конных») жанров бурятского устного народного творчества.

На наш взгляд, иносказательность Гэсэриады сводится к тому, что Гэсэр выходит целым и невредимым из любых невероятно трудных ситуаций, преодолевая невиданные препятствия, устраиваемые соперниками и противниками, и неизменно оказывается на стороне сил добра. Добро же всегда способствует плодородию и созиданию.

У старейшины 55 западных мужских белых добрых небожителей рождается средний сын Бүхэ Бэлигтэ хүбүүн (он носит также имя Зургай, или Нюргай). Рождается как человек (*алтан хэблигээр*) и спускается на Землю, чтобы спасти средний мир от напастей, чтобы защитить людей, живущих в нем, от насилия и зла, творимых противниками Гэсэра.

У Гэсэра три жены: небесная, земная и из подземного (подводного) мира. Небесная жена и подземная не могут дать потомства. Только у земной жены Санхан Гоохондүүхэй рождается три сына. Стало быть, продолжение человеческого рода обеспечивают, с одной стороны, земной Гэсэр, а с другой – его земная жена.

А Гэсэр и его окружение устанавливают согласие и покой не только между людьми, но и между небожителями, то есть божествами добрыми и злыми, и демонами подземного мира, то есть чудовищами-мангадхаями. Выходит, что в эпосе «Гэсэр» изображается борьба между небом, верхним миром и нижним. Гэсэр и его окружение – его земные родители, земная жена с земными сыновьями, земные богатыри-побратимы, устанавливая мир и спокойную жизнь, сжигают мангадхаев на костре (хотя те все равно остаются живыми) или оставляют их прибитыми к лиственнице огромных размеров шириной в 20 человеческих обхватов. Мангадхаи по обстоятельствам, сложившимся по их собственной воле, приходят к своему позорному концу – на обозрение всем живущим на Земле.

Эта борьба между добром и злом, между человеком и божеством, превратившимся затем в демона, поразительно похожа на борьбу «белых» и «чёрных» шаманов, которые у бурят всегда враждовали друг с другом. Такая борьба характерна только для бурятских вариантов «Гэсэра». Если небожители (тэнгри) воюют сначала между собой в верхнем мире, если они, а не люди на Земле, ратуют за войну и насилие, если потом они воюют в нижнем и среднем мирах, то земные герои (Гэсэр и его окружение) борются совсем за другое –

за мир и покой на Земле, за очищение Земли от злых сил, от несчастий и страшных напастей: мора, недугов и т.п. Отсюда вытекает основной вывод – художественная, поэтическая природа бурятского эпоса «Гэсэр» заключается в борьбе улигершинов против насилия и войн, за сосуществование разных взглядов на жизнь, терпеливое отношение людей друг к другу, плюрализм мнений: стало быть, эта борьба, начавшись на Небе, завершается на Земле восстановлением мира между людьми, божествами и демонами.

С. Ш. Чагдуров писал: «Слово “хүүр” почиталось в древности прежде всего как священная память о деяниях человека в прошлом» [6, с. 260]. Сохраняя в себе многие черты первобытного мировосприятия, оно само по себе, по мнению улигершинов, обладало огромной силой, порою оказывалось могущественнее самого героя. Часто случалось так, что магическое свойство слова, сказываемого героем и как бы существующего самостоятельно, решающим образом влияло на исход сражений с врагами.

*Онон дээрэн уншаба
Улаан дулун гаргаба,
Хүбшэ дээрэн хэбшэбэ-
Хүхэ дулэ гаргабал...*

*По зарубке стрелы прочел
Красное пламя выпустил,
По тетиве лука стих отчеканил
Синее пламя выпустил [1, с. 105, стр. 4921-4924]...*

Благодаря заклинанию словом Гэсэр обрывал стрелой жизненные нити (души) мангадхаев и мангадхаек, пробивал дорогу в непроходимой таежной чаще. Используя силу слова, герой укрощал небесного коня. Например, сыну Гэсэра Ошору Богдо предстояло на мифической горе Сүмбэр уула приручить коня, предназначенного ему божествами. Отчаявшись справиться с ним, Ошор Богдо вымолвил, наконец, слово – и небесный конь мгновенно присмирел. Затем богатырь вскочил на коня, однако тот взвился на дыбы и понес седока. И на этот раз, не будучи в состоянии справиться, Ошор Богдо вымолвил слово – и «конь тут же встал, как вкопанный» [6, с. 207].

Художественно и эстетически нацеленное слово мастера-улигершина производило на слушателей исключительное воздействие. Человек, обладавший даром слова, мог что угодно сотворить. Мудрое слово уважали и боготворили. Словом наказывали и им же дарили надежду, словом смешили и заставляли грустить. Только в слове можно было возродить безвозвратно ушедшее прошлое. Но это только половина проблемы. Другая половина кроется в следующем. Иносказательная сила слова в эпосе «Гэсэр» обретает жизненно важное значение для носителей бурятского языка и ценителей улигеров.

Более того, сила эта обретает глубокое философское звучание в масштабах даже Вселенной. Потому что мир возникает или «творится благодаря соперничеству, конфликту, взаимодействию полярных сущностей» [4, с. 29]. Между Добром и Злом, между белым и черным неизбежно противостояние. Не будет его – жизнь остановится. Вот почему в бурятском устном народном творчестве на одной (западной) стороне неба действуют 55 добрых белых небожителей, а на другой (восточной) – 44 злых черных небожителя. А еще раньше Великая Мать богиня (ЭхэЕхэ бурхан) противостоит Злому Духу (Демону-Черту-Сатане). Причем они фактически обречены на соперничество, следовательно, на реальные связи между собой, поскольку «полной властью над миром не обладает ни один из них» [Там же, с. 30].

Иносказательная природа эпоса «Гэсэр» заключена не в его прямом, разговорно-бытовом стилистическом изложении, а в особо приподнятой, улигерно-возвышенной, иносказательно выраженной форме. Улигер – произведение высокое, образцово поучительное, смысл которого скрывается в глубине, а может быть, даже не высказан словами. Читаешь одни слова, а понимать надо чуть иначе, чуть по-другому. Или надо догадываться, потому что улигершины о событиях говорят не прямо, а лишь намекают. Говорить или изображать намеками, загадочно – это и есть основная черта бурятского эпоса.

Например, в «Гэсэре» каждая глава рисует битву, сражение героя с другим персонажем – его соперником. Суть силы Гэсэра не в его воинской доблести, не в реалиях его оружия, которое, как правило, не действует: ломается, тупится, не дает нужного эффекта. Из-за того что иносказательная природа образных коллизий была заложена не столько в самом тексте об этих событиях (хотя, впрочем, и это было важно), сколько в формах так называемых *сэг даралга* (песен-заставок, встречных песен, песен-проводов, благопожеланий), сопровождаемых или упорядочивающих главы и особенно промежутки между ними. Сам строй силлабического эпического стихосложения с характерными для него семисложником, начальными созвучиями (*толгой холболго*), конечными созвучиями, равнотактными повторами, параллелизмами, постоянными эпитетами, гиперболами, включенными в структуру метких крылатых выражений, способствовал такому совместному переживанию событий.

Во многих случаях в эпосе «Гэсэр» одерживает верх не то, что разрушает, а добро – созидательная сила. Результата Гэсэр достигает не пикой, не саблей, не мечом, а шерстобитной палкой. Как это понять? С помощью шерстобитной палки буряты изготовляли кошму, которой покрывались крыша и стены юрты. То есть победа достигается не силой воинского орудия, а реалиями мирного труда.

Другой пример. В эпосе «Гэсэр» воюют между собой божества (тэнгрии), живущие на небе. А люди, живущие на земле, занимаются охотой, хозяйственными заботами, празднуют свадьбы, состязаются в скачках, богатырской борьбе, стрельбе из лука. Если люди воюют, то только вынужденно, потому что они защищаются. А войну в эпосе провоцируют соперники – чудовища-мангадхаи.

Как известно, в эпосе «Гэсэр» количество небожителей строго ограничено числом 99. Из них 55 небожителей (баруун 55 сагаантэнгришүүл) были добрыми. А 44 черных небожителя (зүүн 44 тэнгэришүүл) в эпосе воспринимаются как злые божества. Возникает вопрос: чем объяснить то, что Запад в эпосе определяется как добрый, Восток как злой. Дело было не только в «преимуществах» отцовского права в период военной демократии. Более обоснованным кажется следующее. Этическое кредо бурят и их предков, по эпосу, было предельно простым, мудрым и дальновидным: как хозяйка, да еще гостеприимная, богиня Мать-Земля, принимая высокого

бога Неба-Отца, считала важным и целесообразным адресовать ему все добро и достоинство, в том числе и свое, тогда как все зло и коварство, в том числе и его, предусмотрительно и дипломатично оставляла себе.

Таким образом, борьба Гэсэра с различными чудовищами иносказательно отражает борьбу добра и зла, мечты и чаяния народа о лучшей жизни. Улигер «Гэсэр» целиком наполнен иносказанием. Следовательно, мы можем смело утверждать, что иносказательность – основная черта бурятских улигеров.

Список источников

1. **Абай Гэсэр могучий. Бурятский героический эпос** / пер., коммент. А. Б. Соктоева. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 526 с.
2. **Горнфельд А. Г.** Муки слова: статьи о художественном слове / вступ. ст. В. А. Десницкий. Изд-е 2-е, значительно доп. М. – Л.: Государственное издательство «Пути творчества», 1927. 224 с.
3. **Потебня А. А.** Из записок по теории словесности. Б.м.: Издательство М. В. Потебни, 1905. 654 с.
4. **Сагалаев А. П.** Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1992. 117 с.
5. **Чагдуров С. Ш.** О выразительности слова в художественной прозе / Академия наук СССР; Сибирское отделение; Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. Улан-Удэ, 1959. 89 с.
6. **Чагдуров С. Ш.** Поэтика Гэсэриады. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993. 368 с.

ALLEGORICAL NATURE – THE SPECIFICITY OF BURYAT ULIGER

Oshorova Svetlana Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Buryat State University, Ulan-Ude
oshorsvet@mail.ru

The article examines allegorical nature of “Geser” epos. The author draws the conclusion that the artistic, poetical nature of Buryat epos “Geser” involves the uligershins’ struggle against violence and war, for co-existence of different ideologies, humans’ tolerant attitude to each other, and pluralism of opinions.

Key words and phrases: allegorical nature; uliger; figurativeness; winged words; artistic image; magic feature of implicit content of felicitous winged words; uligershin’s winged word.

УДК 821.161.1

В статье проанализирован комплекс философских идей и художественных средств, используемых Н. С. Гумилевым для воплощения темы андрогина. Акцент сделан на сравнительном анализе образа андрогина в произведениях Платона, Соловьева, символистов и акмеиста Гумилева. Гумилев раскрывает процесс воссоздания андрогина как деятельный дискурс человека, как попытку отказаться от роли «игрушки в руках богов» и становления его как Homo Faber. Платоновский андрогин в мифопоэтической рецепции Гумилева трактуется как символ бессмертия.

Ключевые слова и фразы: Н. С. Гумилев; Платон; андрогин; В. С. Соловьев; Ф. Ницше; Дионис; Осирис; Homo Faber.

Сафиулина Рано Мирзахановна, к. филол. н., доцент
Московский промышленно-финансовый университет «Синергия»
ranovi@mail.ru

**ПЛАТОНОВСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ГУМИЛЕВА
(СТИХОТВОРЕНИЕ «АНДРОГИН» КАК ОПЫТ АКМЕИСТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ПЛАТОНА)**

Мифический образ андрогина из диалогов Платона «Пир» и «Тимей» стал центральной фигурой в концептуальных спорах философов, писателей, психологов конца XIX – начала XX века как важнейший для понимания сущности мироздания, человека в нем и перспективы будущего человечества.

В 1908 году к этому образу обратился Н. Гумилев. Стихотворение «Андрогин» было написано начинающим поэтом в Париже во время обучения в Сорбонне и вошло в его сборник «Жемчуга» (1910). Время написания этого произведения имеет принципиальное значение для истории русской литературы. 1910-е годы – время зарождения модернизма с его новым взглядом на творчество, амбивалентностью письма, замкнутостью на индивидуальном видении мира, масочностью, игрой. Именно в это время Гумилев создает акмеистическую поэзию, где отражаются инновационные мировые тенденции искусства. Поэт отказывается от бесконечного ряда лирических героев, в центре творчества поэта – антропологическая протомодель человека, и каждое стихотворение превращается в деятельностный, глагольный дискурс лирического героя, проявленного как путешествие героя в некие эпохи, географические точки земли, времена, сродни «хождениям в мир». Ницше называет этот процесс «надевание своего тела» [14, т. 1, с. 4].

Гумилев создает многочисленные дискурсивные инварианты «деятельности» нового «глагольного» лирического героя *Homo Faber*, сущность которого: «Время – это творчество» [1, с. 136]. Вслед за Ницше,